

ЭЛЕМЕНТЫ АНТИУТОПИИ В РАССКАЗАХ В.Ф.ОДОЕВСКОГО И «ЛЕГЕНДА О ВЕЛИКОМ ИНКВИЗИТОРЕ» Ф.М.ДОСТОЕВСКОГО

О.С.Сухих

Нижегородский госуниверситет

В журн.: Вестник Нижегородского университета. Серия «Филология». Вып. 1(7), – Н.Новгород, 2006. С. 82-86.

В XX веке одним из самых популярных стал жанр антиутопии. Он сформировался позже классических жанров, так как генетически и структурно связан с утопией, расцвет которой пришелся на XVI – XVII вв. Если утопия как жанр вполне самостоятельна, то антиутопия без неё не могла бы существовать, ведь она представляет собой альтернативное осмысление того же материала, того же социального «проекта», который уже был осмыслен со своей точки зрения утопией.

Рассматривая истоки антиутопии, классикой которой в русской литературе XX века признан роман Е.Замятина «Мы», литературоведы видят их в творчестве Достоевского, прежде всего в «Легенде о великом инквизиторе», а в качестве более раннего литературного предшественника Замятина иногда называют В.Ф.Одоевского. В частности, его рассказы «Последнее самоубийство» и «Город без имени» из цикла «Русские ночи», по мнению Б.Ланина и М.Боришанской, «тоже могут – по некоторым признакам – быть отнесены к антиутопиям» [Ланин, Боришанская, 9]. Если принять эту точку зрения, то нужно согласиться, что в «Легенде о великом инквизиторе» прослеживаются традиции В.Ф.Одоевского, что между их произведениями есть по крайней мере типологическое сходство, хотя, например, в исследовании Роберта Л.Бэлнепа «Генезис «Братьев Карамазовых»» [Бэлнеп, 2003] имя Одоевского вообще даже не упоминается, несмотря на то что картина литературных истоков данного романа там разворачивается в масштабах общемировой культуры.

В предисловии к романам «Мы» Е.Замятина и «О дивный новый мир» О.Хаксли П.Палиевский в качестве литературного предшественника замятинского романа называет еще один рассказ В.Ф.Одоевского – «4338 год» [Палиевский, 5]. В этом рассказе изображено российское общество пятого тысячелетия, с его развитой техникой, но в то же время тотальной регламентацией жизни. Как и в рассказе «Последнее самоубийство», здесь можно увидеть, скорее, не антиутопию, а фантастический прогноз на будущее, не связанный с каким-либо определенным социальным проектом.

Во-первых, базовый, т.е. дифференцирующий признак антиутопии – направленность против какой-либо утопической идеи [Энциклопедия..., 38], её экстраполяция, выявление негативных последствий её возможной реализации. Нужно сказать, сомнительно уже то, что мальтузианство, в котором не просматривается даже признаков какой-либо позитивной социальной идеи, можно назвать утопией; соответственно возникают сомнения и в том, что на базе этой идеи вообще может быть создана антиутопия.

Во-вторых, из текста рассказа «Последнее самоубийство» вряд ли следует, что он направлен **против** философии Мальтуса. В.Ф.Одоевский фактически **подтверждает** мысль этого философа о том, что перенаселение Земли повлечет за собой трагические последствия. С другой стороны, мальтузианство, по мнению В.Ф.Одоевского, тоже нельзя признать спасением от грозящей опасности, поскольку ведет к еще бóльшей трагедии. Можно было бы увидеть альтернативный путь спасения в любви и духовности, которую сохраняют в себе те герои, что еще остались людьми, но в конечном итоге по логике произведения ничто и никого не спасает от катастрофы.

В-третьих, антиутопия, как и утопия, изображает обычно определенный **социальный** проект, для которого характерны, с одной стороны, равенство и уверенность людей в завтрашнем дне, а с другой стороны, отсутствие свободы. И если утопия акцентирует внимание на первом моменте, то антиутопия – на втором. В «Последнем самоубийстве» такого социального проекта нет, страдания людей, вызванные голодом, толкают их на «последнее самоубийство», а вовсе не тоталитарная власть или утопическая идея. Герои Одоевского до последнего момента сохраняют свободу выбора, хотя при этом в рассказе все же существует элемент «манипуляции сознанием»: мрачные философы при помощи своей софистики доказывают превосходство смерти над жизнью, но ведь в итоге они и сами погибают.

Антиутопический элемент в этом рассказе можно увидеть в следующем: «философы смерти», как и все «благодетели» в антиутопиях, предлагают людям выход из положения, который избавит их от страданий, т.е. субъективно хотят им добра, но объективно оно оборачивается злом, т.к. люди гибнут. Такая диалектика добра и зла в высшей степени характерна для антиутопии. Но в остальном было бы натяжкой искать истоки антиутопии в рассказе «Последнее самоубийство».

Что касается рассказа «Город без имени», то здесь действительно можно увидеть определенную близость к жанру антиутопии.

Прежде всего, в этом произведении довольно ясно просматривается «объект полемики» – философия И. Бентама: «Город без имени на самом деле имеет название Бентамия» [Ланин, Боришанская, 9]. Есть здесь и изображение определенного социального проекта, который был задуман как полезный и спасительный для людей, но в конечном счете оказался губительным. Однако соотнесение этого социального проекта с бентамовской идеей, на мой взгляд, является малоаргументированным (в отличие от «Легенды» Достоевского, где связь инквизиторской идеи с бентамовской вполне очевидна¹).

В рассказе В.Одоевского базовым, основным для бентамовской философии признается понятие пользы: «Да, польза есть существенный двигатель всех действий человека! Что бесполезно – то вредно, что полезно, то позволено. Вот единственно твердое основание общества! Польза и одна польза – да будет вашим первым и последним законом. Пусть из неё происходить будут все ваши постановления, ваши занятия, ваши нравы; пусть польза заменит шаткие основания так называемой совести.... – и общество достигнет прочного благоденствия»².

Для бентамовской утилитарной этики действительно понятия благоденствия, счастья и пользы имеют очень много общего, а возможно, даже синонимичны. В ней «издержки морального хозяйства законны постольку, поскольку оправдываются приобретаемым посредством них моральным доходом» [Франк, 33]. И все же «польза» может подразумевать под собой разные вещи: она бывает моральной или материальной, личной или общей и т.д. И.Бентам в работе «Принципы законодательства» писал: «Предметом законодательства должно быть общественное благо: общая польза должна быть основой всякого рассуждения в области законодательства». «Мораль есть вообще искусство направлять действия людей таким образом, чтобы в результате получилось наибольшее возможное количество счастья» [Юм, Бентам, 236]. Таким образом, он понимал под пользой всеобщее благо или, по крайней мере, благо большинства людей. В рассказе В.Одоевского точка зрения Бентама, а соответственно и проистекающая из неё социальная система представлены совершенно иначе: «Говорят о правах человека, о должностях, но что может заставить человека не переступить границ своего права? Что может заставить человека свято хранить свою должность? Одно – собственная его польза!» Как видим, здесь речь идет именно о личной пользе, никак не соотнесенной с интересами «наибольшего количества людей», о которых больше всего и заботился И.Бентам как философ и теоретик законодательства. На таком принципе лич-

ной пользы основана у Одоевского и вся политика колонии под названием Бентамия.

«Руководствуясь словом «польза», мы не считали за нужное щадить наших соседей». «Имея беспрестанно в виду одну собственную пользу, мы почитали против наших соседей все средства дозволенными: и политические хитрости, и обман, и подкупы». Именно принцип достижения лишь **собственной** пользы стал причиной саморазрушения государства: свою пользу, естественно, каждый видит по-своему, например, жителям пограничных городов выгодно торговать с соседями и «быть с ними в мире», а жителям «внутренних городов» хочется расширить свою «сферу влияния», а потому выгодно завоевать соседние земли – этот конфликт и положил начало падению государства Бентамия.

Если принципом жизни общества становится личная польза, т.е. каждый начинает жить лишь для себя, пусть даже за счет других, то такое общество легко обвинить в том, что в нем процветает эгоизм, и легко назвать его безнравственным с точки зрения общечеловеческой морали.

Далеко не так просто обстоит дело с собственно бентамовским идеалом «наибольшего счастья наибольшего числа людей». В основе такой этики, как обоснованно утверждал еще С.Л.Франк [Франк, 33], лежит не эгоизм, а, наоборот, стремление осчастливить если не всех ближних, то наибольшую их часть, причем любыми средствами. Такой характер имеет, например, идея Раскольникова, который говорит Сонечке, что помочь слабым и страдающим можно лишь с помощью «власти над всем муравейником». Такова же более детально разработанная и даже практически осуществленная идея великого инквизитора, который имел достаточно духовных сил, чтобы следовать путем Христа и достичь собственного спасения и блаженства, но предпочел отказаться от этого, чтобы помочь более слабым, «многочисленным, как песок морской», чтобы обеспечить им счастье, как он его понимает, счастье, которого они, с его точки зрения, заслужили. Великий инквизитор идет на насилие и обман, но не ради собственной пользы, а ради пользы других (опять же как он её понимает). Этого героя в эгоизме не обвинишь, хотя в безнравственности обвинить его и можно, и правомерно. Благодетель в романе Замятина «Мы» тоже действует из стремления оптимально устроить жизнь всего народа. Он даже собирается с помощью «Интеграла» «осчастливить все человечество». В этих произведениях мы можем отметить один из базовых признаков антиутопии – идею насильственного счастья для большинства людей или для всех

вообще, традиционный для антиутопий XX в. мотив навязанного «железной рукой» счастья.

В «Городе без имени» В. Одоевского этого мотива нет. Кроме того, нет в его Бентамии и «железной руки»: здесь все решения принимаются после общего обсуждения и при общем согласии (принцип «консенсуса» не нынешние политики придумали). Мудрый правитель Бентамии не осуществляет никакого насилия, а действует лишь убеждением: «Замечал он где-нибудь малейшее ослабление, малейшую нерадивость – он произносил заветное слово «польза» – и всё по-прежнему приходило в порядок, поднимались ленивые руки, воспламенялась погасавшая воля...» Этот «лучший друг Бентама» просто невинное дитя по сравнению с великим инквизитором, сотнями сжигающим «еретиков», или Благодетелем, устраивающим публичные казни. Если что-то и объединяет общество Бентамии с тоталитарными государствами великого инквизитора и Благодетеля, то это абсолютное единомыслие большинства жителей (правда, в антиутопии, в отличие от утопии, непременно должен появиться хотя бы один инакомыслящий). Но даже когда и возникают в Бентамии разногласия, то они разрешаются, как только спорящие начинают смотреть на вопрос с точки зрения утилитарной, например, театр или храм признаются полезными постольку, поскольку пропагандируют пользу.

Итак, рассказ В.Одоевского «Город без имени» интересен с точки зрения генезиса антиутопии в XIX в., так как в нем возникают некоторые черты этого жанра: здесь рассматриваются возможные последствия реализации некоего социального проекта, который можно назвать утопическим. Даже само художественное «обрамление» рассказа проецируется на классическую утопию: путешественники попадают в незнакомое место, видят развалины некогда процветавшего государства, и один из его уцелевших жителей рассказывает им о судьбе колонии Бентамия. Но если вернуться к точке зрения Б.Ланина и М.Боришанской, которые относят рассказы В.Ф.Одоевского к антиутопии «по некоторым признакам», то нужно отметить, что признаки эти весьма частные. И даже идея Бентама в Бентамии В.Ф.Одоевского предстает в трансформированном виде. «Город без имени» – рассказ, в котором признаков антиутопии все же несколько больше, чем в других рассказах В.Ф.Одоевского, но антиутопией в полном смысле этого слова его назвать нельзя: в нем не наблюдаются определяющие, существенные, жанрообразующие черты этого жанра, сформировавшиеся потом в «Легенде о великом инквизиторе» Ф.М.Достоевского, которая и становится своеобразным литературным

«архетипом» антиутопии, а затем формообразующие черты жанра в полной мере реализуются в антиутопии XX века, в частности в романе Е.Замятина «Мы».

Литература и примечания

Бэллел Роберт Л. Генезис «Братьев Карамазовых» – СПб, 2003.

Ланин Б., Боришанская М. Русская антиутопия XX века. – М., 1994.

Палиевский П. Непрошенный мир // *Замятин Е.* «Мы». *Хаксли О.* О дивный новый мир. – М., 1989.

Франк С.Л. Ф.Ницше и этика любви к «дальнему» // *Франк С.Л.* Сочинения. – М., 1990.

Энциклопедия литературных терминов и понятий / Главный редактор и составитель *А.Николюкин.* – М., 2003.

Юм Д. Опыты. *Бентам И.* Принципы законодательства. О влиянии условий времени и места на законодательство. // Руководство по политической экономии. Вып 5. – М., 1896.

¹ См. об этом: *Сухих О.С.* Горький и Достоевский: продолжение «Легенды...». – Нижний Новгород, 1999. С. 20-21. Если В.Ф.Одоевский имел в виду именно И.Бентама, то он воспринял его идею достаточно поверхностно, или, возможно, иронизировал, имея в виду моду на идеи этого философа, что в пушкинском «Онегине» высмеяна в разговорах светских дам, которые в салонах «свободно» «толкуют Сэя и Бентама».

² Произведения В.Ф.Одоевского цитируются по изданию: *Одоевский В.Ф.* Последний квартет Бетховена. – М., 1987.